

ЗВЕЗДЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

**КНИГИ РОБЕРТА ХАЙНЛАЙНА, ОПУБЛИКОВАННЫЕ
ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ГРУППОЙ «АЗБУКА-АТТИКУС»**

Фрайди. Бездна

•

Туннель в небе. Есть скафандр — готов путешествовать

•

Астронавт Джонс. Время для звезд

•

Чужак в стране чужой

•

Луна — суровая госпожа

•

Красная планета. Звездный зверь

•

Кукловоды. Дверь в Лето

•

Марсианка Подкейн. Гражданин галактики

•

Иов, или Комедия справедливости

**РОБЕРТ
ХАЙНЛАЙН**

**Иов,
или Комедия
справедливости**

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445
X 15

Robert A. Heinlein
JOB: A COMEDY OF JUSTICE
Copyright © 1984 by Robert A. Heinlein
All rights reserved

Перевод с английского
Владимира Ковалевского, Нины Штуцер
под редакцией Александры Питчер

Серийное оформление Сергея Шикина

Оформление обложки Владимира Гусакова

Иллюстрация на обложке Майкла Уэлана

*Издательство выражает благодарность С. В. Голд (swgold)
за активную помощь при подготовке книги.*

- © В. Ковалевский, Н. Штуцер (наследники), перевод, 2018
- © С. В. Голд, послесловие, 2018
- © А. Питчер, примечания, 2018
- © Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-14555-9

Клиффорду Саймаку

Блажен человек, которого вразумляет Бог,
и потому наказания Вседержителя не отвергай.

Книга Иова, 5: 17

...Пойдешь... через огонь, не обожжешься,
и пламя не опалит тебя.

Книга пророка Исаяи, 43: 2

Яма, доверху наполненная раскаленными углями, имела двадцать пять футов в длину, десять в ширину и, вероятно, около двух в глубину. Огонь в ней поддерживался уже много часов. От пылающих углей шел такой обжигающий жар, который казался совершенно непереносимым даже там, где сидел я, то есть в пятнадцати футах от края ямы, во втором ряду расположившихся на стульях туристов.

Свое место в первом ряду я уступил одной из наших дам, обрадовавшись возможности укрыться от жара за ее весьма пышной фигурой. Я испытывал немалое искушение отодвинуться еще дальше... но мне ужасно хотелось лучше рассмотреть тех, кто пойдет по углям. Разве часто на долю человека выпадает случай увидеть чудо собственными глазами?

— Все это грубый обман, — сказал Многоопытный Путешественник, — сами увидите.

— Нет, это не грубый обман, Джеральд, — не согласился с ним Непререкаемый Авторитет По Всему На Свете, — а просто меньше, чем... было обещано. Конечно, и речи не может быть о всех жителях деревни; вероятно, не примут участия исполнители хулы, и уж, разумеется, не будет никаких ребятишек. Выпустят одного-двух парней, у которых кожа на подошвах задубела почище выделанной коровьей шкуры и которых вдобавок накачают опиумом или каким-нибудь другим местным наркотиком; вот они-то, выйдя на арену, и пронесутся по углям в бешеном темпе. Селяне же станут оглушительно вопить, а наш друг-канак, что выполняет роль переводчика, настоятельно потребует от нас дать

на чай каждому из огнеходцев сверх того, что мы уже уплатили за луау, танцы и это представление... Конечно, его нельзя назвать грубым обманом, — продолжал он, — ведь в программе экскурсии значится «выступление огнеходцев». И мы его получим. На болтовню же насчет целой деревни таких искусников не стоит обращать внимания. Об этом в программе ничего не говорится. — Авторитет был чрезвычайно доволен собой.

— Массовый гипноз, — заявил Профессиональный Зануда.

Я хотел было попросить разъяснений насчет массового гипноза, но здесь моим мнением никто не интересовался. Я тут считался мальчишкой — если не по годам, то по стажу пребывания на круизном корабле «Конунг Кнут». Так уж ведется во всех морских круизах — каждый, кто оказался на борту в момент отплытия из порта отправления, считается важнее и старше любого пассажира, присоединившегося к круизу по пути. Такие правила возникли еще во времена древних мидян и персов, и ничто не в состоянии их изменить. Я же прилетел на «Графе фон Цеппелине», а из Папезте улечу домой на «Адмирале Моффете», так что навсегда обречен быть «мальчишкой» и не смею подавать голос, пока вещают те, кто стоит выше меня.

На круизных кораблях отличная кормежка, но зато уровень общения частенько один из наихудших в мире. Несмотря на это, острова приводили меня в телячий восторг; ни Мистик, ни Астролог-Любитель, ни Салонный Фрейдист, ни Адепт Нумерологии не могли испортить мне настроение — я просто не вслушивался в их болтовню.

— Это делают с помощью четвертого измерения, — объявил Мистик, — разве не так, Гвендолин?

— Именно так, милый, — согласилась Нумерологистка. — А вот и они. Ты увидишь, их обязательно будет нечетное число.

— Я так завидую твоим знаниям, милочка!

— Гм... гм... — хмыкнул Скептик.

Туземец, который помогал нашему корабельному руководителю экскурсии, поднял руки и обратил к нам ладони, прося тишины.

— Пожалуйста, выслушайте меня. *Mauruuru roa*, большое спасибо. Сейчас великий жрец и жрица начнут возносить молитвы богам, чтобы пламя не нанесло вреда жителям деревни. Прошу вас помнить, что это религиозная церемония, и притом очень древняя, — пожалуйста, ведите себя так, будто вы присутствуете при богослужении в своей церкви. Иначе...

Какой-то невероятно дряхлый канак перебил его; старик и переводчик обменялись несколькими фразами на неизвестном мне языке, — как я решил, полинезийском, такой он был мелодичный и певучий. Канак помоложе снова повернулся к нам:

— Великий жрец говорит мне, что некоторые дети сегодня пойдут по углям впервые, в том числе и тот малыш, что сидит на руках у матери. Жрец просит вас сохранять полное молчание во время вознесения молитв, иначе безопасность детей не может быть гарантирована. Разрешите мне отметить, что лично я — католик. И в такие минуты всегда молю нашу Пресвятую Деву Марию о призрении младенцев; прошу и вас всех помолиться о том же, согласно канонам вашей веры. А кто молиться не хочет, пусть соблюдает тишину и просто в сердце своем желает добра детям. Если великий жрец не будет удовлетворен благоговейным отношением аудитории, он не позволит детям войти в огонь; бывали случаи, когда он вообще отменял церемонию.

— А, что я вам говорил, Джеральд? — театральным шепотом произнес Непререкаемый Авторитет. — Вот она, подготовочка-то. Теперь он повернет дело по-своему и во всем обвинит нас же. — Авторитет сердито засопел.

Авторитет (его фамилия была Чиверс) начал действовать мне на нервы с той самой минуты, когда я появился на корабле. Я наклонился вперед и шепнул ему прямо в ухо:

— А если ребяташки пройдут сквозь огонь, у вас хватит духу последовать их примеру?

Да послужит вам это уроком! Учитесь бесплатно на моем дурном примере. Никогда не позволяйте болванам доводить вас до потери здравого смысла. Уже через несколько секунд я обнаружил, что мой вызов обратился против

меня и что (непонятно как) все трое — Авторитет, Скептик и Многоопытный Путешественник — заключили со мной пари на сотню долларов каждый, что это я не осмелюсь прогуляться через огненную яму, если дети пройдут сквозь огонь.

Переводчик еще раз попросил нас соблюдать тишину, а жрец и жрица вышли на угли — вот тогда-то все смолкли и, как я думаю, некоторые стали молиться. Во всяком случае, я молился. Внезапно оказалось, что я раз за разом повторяю неожиданно всплывшие в памяти слова:

...Пусть уснет моя грешная плоть.
Укрепи мою душу, Господь!..

Почему-то они очень подходили к данному случаю.

Ни жрец, ни жрица через огонь не пошли: то, что они сделали, было куда удивительнее и (как мне кажется) гораздо опаснее. Они просто стояли босиком в огненной яме и молились на протяжении нескольких минут. Я явственно видел, как шевелятся их губы. Время от времени старый жрец что-то сыпал на угли. Едва соприкоснувшись с углями, это что-то взлетало снопом искр.

Я старался рассмотреть, на чем же, собственно, они стоят — на углях или на камнях, но так и не смог ответить на этот вопрос, точно так же как не могу сказать, что хуже, а что лучше. А старуха, высохшая, как давным-давно обглоданная кость, тихо и спокойно стояла среди пламени, сохраняя безмятежное выражение лица и не предпринимая никаких мер предосторожности, если не считать, что она подоткнула свою лава-лава, превратив ее в нечто вроде подгузника. Было очевидно: старуха больше боится за одежду, чем за свои пятки.

Три человека с шестами в руках растаскивали горящие поленья, стараясь разровнять поверхность угольного слоя и сделать ее плоской, упругой и удобной для тех, кто пойдет через яму. Все это безумно занимало меня, ибо я сам собирался через несколько секунд вступить в пламя — если, конечно, не струшу и не проиграю пари. Мне казалось,

что парни с шестами как бы прокладывают дорогу, которая позволит пересечь яму в длину по разбросанным там камням, а не по пышущим жаром углям. Во всяком случае, я на это надеялся.

Впрочем, затем я припомнил раскаленные солнцем тротуары, которые до пузырей обжигали мои босые ноги там, в Канзасе, в дни моего далекого детства, и подумал: «А какая, собственно, разница?» Температура в кострище достигла как минимум семисот градусов, камни же «варились» в нем в течение нескольких часов. При таких обстоятельствах нельзя сказать, что предпочтительнее — сковорода или сам огонь.

Между тем голос разума нашептывал мне на ухо, что проигрыш трех сотен не такая уж высокая плата за то, чтоб выбраться из этой ловушки... Неужели же я предпочту весь остаток жизни ползать на двух хорошо прожаренных культурах?

А не принять ли мне заранее таблетку аспирина?

Три парня кончили возиться с горящими поленьями и отошли к краю ямы слева от нас. Остальные жители деревни собрались за их спинами, включая и ребятишек, чтоб им было пусто! И о чем только думают родители, позволяя детям так рисковать? И почему те не пошли в школу, где им явно надлежит быть в такие часы?

Трое костровых гуськом пошли вперед; они двигались к центру ямы не торопясь, но и не замедляя шагов. За ними так же медленно и непоколебимо потянулась процессия туземцев-мужчин. Дальше шли женщины, среди которых была и юная мать с ребенком на бедре.

Когда порыв раскаленного воздуха коснулся младенца, тот заплакал. Не сбиваясь с размеренного шага, мать подняла его и приложила к груди. Младенец умолк.

Последними шли дети — от девушек и юношей до ребятишек-дошколят. Позади всех шагала малышка (лет восьми? или девяти?), которая вела за руку совсем маленького братца с круглыми от удивления глазенками. Было ему не больше четырех, а одеждой служила лишь собственная кожа.

Я смотрел на мальчугана и проникался печальной уверенностью, что в самом ближайшем будущем меня поджарят в наилучшем виде; деваться было некуда. Один раз мальчуган споткнулся, но сестра удержала его. И он пошел дальше маленькими отважными шажками. У дальнего конца ямы кто-то нагнулся и поднял его на край.

Вот и настал мой черед.

Переводчик обратился ко мне:

— Вы понимаете, что Полинезийское туристическое бюро не берет на себя ответственности за вашу безопасность? Огонь может опалить вас, может даже убить. Эти люди способны ходить сквозь огонь без вреда для себя, ибо они веруют.

Я сообщил ему, что тоже верую, втайне удивляясь, как можно так бесстыдно врать, и подписал протянутую мне бумагу.

Время бежало стремительно, и чуть ли не в одно мгновение я, с закатанными до колен брюками, оказался стоящим у края ямы. Туфли, носки, шляпа и бумажник остались у ее дальнего конца, на скамейке. Они стали моей целью, моим будущим призом... Интересно, если я не доберусь, их разыграют в лотерею или отправят моим родственникам?

А переводчик продолжал:

— Идите прямо по центру. Не торопясь, но и не останавливаясь. — Тут его прервал великий жрец, и, выслушав его, мой наставник сказал: — Он говорит: не надо бежать, даже если вам начнет поджаривать пятки, потому что тогда вы споткнетесь и упадете. А в этом случае вам уже не встать. Он хочет сказать, что тогда вы умрете. Я же со своей стороны считаю долгом добавить, что вы вряд ли погибнете, ну разве что вдохнете пламя. Зато уж наверняка страшно обгорите. Поэтому не торопитесь и не падайте. Видите вон тот плоский камень, прямо перед вами? Вот на него первым делом и ступайте. *Que le bon Dieu vous garde*¹. Удачи вам.

— Спасибо.

¹ Да хранит вас Бог (фр.).

Я глянул на Непререкаемого Авторитета, который усмеялся по-вурдалачьи, если предположить, что вурдалаки способны улыбаться. Я сделал ему ручкой этакий лихой жест и шагнул вниз.

Пожалуй, я прошел не меньше трех шагов, прежде чем осознал, что решительно ничего не ощущаю. И тут же понял, что одно чувство во мне все же сохранилось — страх. Мне было дико страшно. И хотелось оказаться где-нибудь в Пеории или даже в Филадельфии. Чтоб не торчать тут одному в этой гигантской дымящейся пустыне. Дальний конец ямы, казалось, отделился от меня на расстояние целого городского квартала. Может, и больше. И я все еще тащился туда, молясь, чтоб паралич, лишивший меня всякой чувствительности, не заставил рухнуть, прежде чем я доберусь до своей далекой цели.

Я чувствовал, что задыхаюсь, и вдруг понял, что просто перестал дышать. И тогда я жадно вдохнул ртом, тут же пожалев о содеянном. Над гигантской огненной чашей воздух был насыщен раскаленным газом, дымом, двуокисью углерода и еще чем-то, что вполне могло быть зловонным дыханием самого Сатаны; кислорода же, в том количестве, о котором стоило говорить, тут, конечно, не было. Я выплюнул то, что вдохнул, и со слезящимися глазами и обожженной глоткой стал прикидывать, смогу ли добраться до дальнего конца, не сделав больше ни единого вдоха.

Боже, спаси и сохрани! Ибо теперь я не видел противоположного края ямы. Дым поднимался клубами, и мои глаза не могли ни открыться, ни сфокусироваться на чем бы то ни было. Я вслепую рванулся вперед, старательно восстанавливая в памяти формулу покаяния на смертном одре, чтобы попасть на небеса, проделав все необходимые формальности.

А может, такой формулы вовсе и нет? Какое-то странное ощущение в пятках, колени подгибаются...

— Вам лучше, мистер Грэхем?

Я лежал на траве и смотрел на склонившееся надо мной доброе лицо цвета темной бронзы.

— Вроде бы, — ответил я. — А что произошло? Я все-таки дошел?

— Разумеется, дошли. И просто распрекрасно дошли. Однако в самом конце потеряли сознание. Но мы уже ждали вас, подхватили и вытащили. А теперь скажите, что случилось? Вы наглотались дыма?

— Возможно. Я получил ожоги?

— Нет. Впрочем, на правой ноге, может быть, и вскочит небольшой волдырь. Держались вы все время очень браво. Буквально вплоть до обморока — но это вы, скорее всего, просто надышались дымом.

— Я тоже так думаю. — С его помощью я приподнялся и сел. — Не подадите ли мне носки и туфли? Кстати, а где же все остальные?

— Автобус уже ушел. Великий жрец измерил вам пульс и проверил дыхание, но никому не позволил вас тревожить. Если человека, чей дух временно покинул его тело, стараться привести в чувство, дух может вовсе не вернуться в свое обиталище. Жрец твердо верит в это, и никто не осмелился ему возразить.

— И я не стал бы с ним спорить; чувствую себя прекрасно. Каким-то по-особенному отдохнувшим. Однако как же мне добраться до корабля?

Пятимильное путешествие через тропический рай наверняка покажется утомительным уже после первой мили. Особенно если пешедралом. И особенно с такими опухшими ступнями. Им было с чего опухнуть.

— Автобус вернется: нужно доставить туземцев на борт парохода, который отвезет их на остров, где они живут постоянно. После этого он может отвезти вас к вашему кораблю. Впрочем, можно сделать еще лучше. У моего двоюродного брата есть автомобиль. Он с удовольствием отвезет вас.

— Отлично. Сколько он за это возьмет?

В Полинезии такси повсюду невероятно дороги, особенно если вы сдаетесь на милость водителя, а у них, как правило, ничего похожего на это чувство отродясь не бывало. Однако мне показалось, что я могу позволить себе роскошь быть ограбленным, раз уж выхожу из этой исто-

рии с некоторым профитом. Три сотни долларов минус плата за такси... Я взял со скамьи свою шляпу. — А где мой бумажник?

— Ваш что?

— Мое портмоне! Я положил его в шляпу. Где оно? Это уже не шутка! Там были мои деньги. И кредитные карточки.

— Ваши деньги? О! *Votre portefeuille*¹. Прошу прощения. Мой английский оставляет желать лучшего. Офицер корабля, руководивший вашей экскурсией, взял его на хранение.

— Очень мило с его стороны. Но как я заплачу вашему брату? У меня нет ни франка!

В общем, мы договорились. Сопровождавший экскурсию офицер, понимая, что, забрав бумажник, оставляет меня без гроша, оплатил мою доставку на корабль вперед. Мой приятель-канак проводил меня до машины своего брата и представил последнему, что оказалось весьма затруднительно, так как у брата знание английского ограничивалось словами «О'кей, шеф», а я так и не разобрал, как звали кузена переводчика.

Автомобиль был триумфом веры и упаковочной проволоки. Мы грохотали до пристани на полном газу, распугивая кур и легко обгоняя новорожденных козлят. Я почти потерял способность глядеть по сторонам, ибо был ошеломлен тем, что случилось перед самым нашим отъездом. Туземцы дожидались автобуса, который должен был приехать за ними, и нам пришлось продираться сквозь толпу. Вернее сказать, мы лишь попытались продраться. Меня зацеловали. Меня целовали все до единого. Мне уже случалось лицезреть поцелуйный обряд полинезийцев, заменяющий здесь привычные нам рукопожатия, но впервые пришлось испытать его на себе.

Мой друг-переводчик пояснил:

— Вы вместе с ними прошли сквозь огонь и теперь стали почетным членом их общины. Они жаждут заколоть для вас свинью. И задать в вашу честь пир.

¹ Ваше портмоне (*фр.*).

Я постарался ответить сообразно обстоятельствам и одновременно объяснить им, что сначала должен вернуться домой, а дом лежит за «большой водой», а уж потом, в один прекрасный день, ежели будет на то Господня воля, я вернусь сюда. На этом мы расстались.

Но ошеломило меня не столько это. Любой непредвзятый судья должен будет признать, что я достаточно широко смотрю на вещи и прекрасно понимаю, что в мире есть места, где моральные стандарты ниже американских и где люди не почитают за бесстыдство обнажать свое тело. Знаю я и то, что полинезийские женщины ходили голыми до пояса, покуда до них не добралась цивилизация. Да что там говорить! Я же почитываю иногда журнал «Нейшнл географик».

Однако я никак не ожидал *увидеть* это собственными глазами.

Перед тем как я прогулялся по раскаленным углям, жители деревни были одеты именно так, как вы думаете, — преимущественно в юбочках из травы, — однако груди у женщин были прикрыты.

Но когда они целовали меня на прощание — все оказалось уже не так. Я хочу сказать, что подобные свидетельства стыдливости были отброшены. Ну в точности как в «Нейшнл географик».

Признаться, я очень ценю женскую красоту. Эти восхижительные признаки женственности — если их рассматривать в соответствующей обстановке, когда шторы добродетельно задернуты, — могут выглядеть весьма заманчиво. Но на пятом десятке (точнее, в сорок с лишком!) — это уж явно перебор. Я увидел женских бюстов больше, чем когда-либо видел за один раз, а может быть, и за всю жизнь. Во всяком случае, вполне достаточно, чтобы довести до коллективного умопомрачения всех членов Евангелического епископального общества содействия поддержанию целомудрия и морали.

Вот если бы меня предупредили хоть немного загодя, я наверняка с удовольствием воспринял бы сей новый для меня опыт. А в том виде, как получилось, опыт оказался

слишком нов, слишком обилен для переваривания и слишком скоротечен; извлечь из него удовольствие можно было лишь ретроспективно.

Наш тропический «роллс-ройс» наконец со скрипом остановился, благодаря совместным усилиям ножных и ручных тормозов, а также компрессора. Я с трудом очнулся от глубочайшей эйфории. Мой водитель объявил:

— О'кей, шеф!

— Это не мой корабль! — воскликнул я.

— О'кей, шеф?

— Ты привез меня не к тому причалу. Хм... причал-то вроде прежний, но корабль совсем другой!

В этом я был абсолютно уверен. Теплоход «Конунг Кнут» имел белые борта и надстройки, а также залихватски скошенную фальшивую трубу. Эта же посуда была выкрашена преимущественно в красный цвет, и на ней торчали четыре высокие черные трубы. Наверное, это не теплоход, а пароход. И стало быть, он устарел уже много-много лет назад.

— Нет! — воскликнул я. — Нет!!!

— О'кей, шеф. *Votre vapeur... voila!*¹

— *Non!*²

— О'кей, шеф.

Он вылез наружу, обошел машину, открыл дверь с той стороны, где сидят пассажиры, схватил меня за руку и сильно потянул. Хотя я был в приличной форме, но его рука оказалась отлично натренированной благодаря постоянным упражнениям в плавании, лазании за кокосовыми орехами, вытаскивании рыболовных сетей и туристов, которые не желают выходить из такси. Так что я вышел.

Он прыгнул в машину, крикнул: «О'кей, шеф! *Merci bien! Au 'voir!*»³ — и был таков.

Хочешь не хочешь, а пришлось карабкаться по сходням незнакомого корабля, дабы разузнать, если удастся, о том,

¹ Ваш пароход... вот он! (*фр.*)

² Нет! (*фр.*)

³ Большое спасибо! До свидания! (*фр.*)

что случилось с «Конунгом Кнудом». Когда я поднялся на борт, вахтенный старшина, который стоял у трапа, отдал честь и произнес:

— Добрый день, мистер Грэхем. Мистер Нильсен оставил для вас пакет. Минуточку... — Он поднял крышку конторки и вытащил большой коричневый пакет из плотной бумаги. — Вот, пожалуйста, сэр.

На конверте было написано «А. Л. Грэхему, каюта С-109». Я вскрыл конверт и обнаружил в нем потрепанный бумажник.

— Все в порядке, мистер Грэхем?

— Да, благодарю вас. Передайте мистеру Нильсену, что я все получил, ладно? И заодно мою глубокую благодарность...

— Разумеется, сэр.

Я заметил, что это палуба D, и поднялся на один пролет, чтобы найти каюту С-109.

Однако в порядке было далеко не все. Моя фамилия не Грэхем.

Что было, то и будет, и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем.

Книга Екклесиаста, 1: 9

Благодарение Господу, на всех кораблях типовая система нумерации кают. Поэтому каюта С-109 находилась именно там, где и должна была находиться, — на палубе С, в начале ряда кают по правому борту, между С-107 и С-111. Я добрался до нее, не встретив никого из посторонних. Подергал дверную ручку — закрыто. Видно, мистер Грэхем прислушивался к советам судового казначея закрывать дверь на ключ, особенно во время стоянки в портах.

Ключ, подумал я мрачно, наверняка лежит в кармане штанов мистера Грэхема. А где же сам мистер Грэхем? Приготовился схватить меня при попытке залезть в его каюту? Или пытается открыть мою каюту, пока я пробую войти в его?

Имеется ничтожный, но все же не совсем нулевой шанс, что к чужому замку может подойти любой ключ. В моем кармане лежал ключ от каюты на теплоходе «Конунг Кнут». Я решил его попробовать.

Что ж, попытка не пытка. Пока я стоял, размышляя, что же делать дальше — плюнуть на все или помереть на этом самом месте, — за моей спиной раздался нежный голосок:

— Ах, мистер Грэхем!

Это была очаровательная юная особа в костюме служанки (поправка: в форме горничной). Она скользнула ко мне, взяла висевший у нее на поясе универсальный ключ и открыла дверь каюты С-109, продолжая щебетать:

— Маргрета просила меня дождаться вашего возвращения. Она сказала, что вы забыли ключ от каюты на столи-

ке. Она там его и оставила, а мне велела вас встретить и открыть вам дверь.

— Вы очень любезны, мисс... э-э-э...

— Меня зовут Астрид. Я обслуживаю такие же каюты по левому борту, Марга и я помогаем друг другу. Она сегодня днем взяла отгул, сошла на берег. — Она распахнула дверь. — Вам больше ничего не нужно, сэр?

Я поблагодарил ее, и она ушла. Потом закрыл дверь на ключ и на задвижку и, рухнув в кресло, буквально затрясся от перенесенного ужаса.

Минут через десять я встал, прошел в ванную и умылся ледяной водой. Я все еще ничего не понимал и по-прежнему был испуган, но нервы уже не трепетали подобно флагу на сильном ветру. С того самого момента, как я стал подозревать, что происходит нечто исключительно странное, мне удалось держать себя в руках. Когда же это началось? Тогда, когда мне показалось, что все происходящее в огненной яме выглядит нереальным? Или позже? С полной уверенностью можно было утверждать, что это уже случилось, когда я увидел, что один корабль водоизмещением в двадцать тысяч тонн подменен другим.

Мой родитель, бывало, говаривал мне: «Алекс, нет ничего плохого в том, что ты трусишь... Разумеется, если ты не позволишь страху подчинить себя и ничем не выдашь боязни до тех пор, пока опасность не окажется позади. Даже истерике можно дать волю... но только потом, когда рядом уже никого не будет. Слезы вовсе не свидетельствуют об отсутствии мужества, если ты прольешь их в ванной за запертой дверью. Разница между трусом и храбрецом заключается главным образом в умении своевременно выражать свои эмоции».

Я не такой, каким был мой отец, но все же стараюсь следовать его советам. Если научиться сдерживать невольную дрожь, когда взрываются ракеты фейерверка или что-то в этом роде, то появляется неплохой шанс продержаться на плаву, пока опасность не минует.

Опасность еще не прошла, но я явно выиграл от катарсиса, вызванного хорошей порцией мандража. Теперь я мог рассуждать спокойно.

Предположения:

а) что-то умопомрачительное случилось с окружающим меня миром; или же

б) что-то умопомрачительное произошло с Алексом Хергенсхаймером, а значит, его следует держать взаперти и накачать успокоительным.

Третье предположение придумать не удалось, поскольку эти два неплохо соответствовали всем основным фактам. Тратить время на второе предположение тоже не стоило. Ежели я начну разводить змей в собственной шляпе, то окружающие сразу заметят это, заявятся сюда со смиренной рубашкой и посадят меня в симпатичную комнату с обитыми войлоком стенами.

Поэтому давайте-ка предположим, что я нахожусь в здравом уме (или близко к тому — сейчас небольшая доза безумия была бы даже полезна). Если со мной все о'кей, то, значит, свихнулся весь мир. Будем разбираться по порядку.

Бумажник. Он не мой. Большинство бумажников похожи друг на друга, и этот весьма схож с тем, который был у меня раньше. Но когда носишь бумажник несколько лет, то к нему привыкаешь, и он становится действительно твоим. Я сразу же понял, что этот не мой. Только мне не хотелось противоречить вахтенному старшине, который явно признал во мне мистера Грэхема.

Я вынул бумажник Грэхема и раскрыл его.

Несколько сот франков — сколько, посчитаем потом.

Восемьдесят пять долларов купюрами — законное платежное средство в «Соединенных Штатах Северной Америки».

Водительское удостоверение, выданное А. Л. Грэхему.

Были там еще какие-то бумажки, но я наткнулся на вложенную в специальный кармашек машинописную карточку, один вид которой бросил меня в ледяной пот.

«Нашедший этот бумажник может оставить себе деньги в качестве вознаграждения, если соизволит вернуть бумажник А. Л. Грэхему, каюта С-109, пароход „Конунг Кнут“

датско-американской линии, или судовому казначею, или любому другому агенту этой линии. Заранее благодарен. А. Л. Г.».

Теперь я точно знал, что случилось с моим «Конунгом Кнудом»: он попросту превратился в совершенно другой корабль.

А может быть, изменения произошли со мной? В самом деле, действительно ли изменился мир, а вместе с ним и корабль? Или же существовали два мира, и я сквозь пламя каким-то образом проник из одного в другой? А может быть, на самом деле были два человека, которые почему-то обменялись судьбами? Или же Алекс Хергеншаймер превратился в Алека Грэхема, а теплоход «Конунг Кнут» в пароход «Конунг Кнут»? Причем одновременно Северо-Американский Союз стал Соединенными Штатами Северной Америки!

Отличные вопросы! Как я рад, что вы их задали. Ну а теперь, дети, если у вас нет других вопросов...

Когда я учился в средней школе, то издательства выпускали уйму тонких журнальчиков, печатавших фантастические рассказы, и не только про привидения, а просто про самые загадочные случаи. Сказочные корабли, прокладывающие путь сквозь эфир к другим планетам; удивительные изобретения; путешествия к центру земли; другие «измерения»; летающие машины; энергия расщепленного атома; чудовища, выведенные в секретных лабораториях.

Я частенько покупал эти журнальчики и прятал их в обложках «Спутника юношества» и «Юного крестоносца», инстинктивно понимая, что мои родители не одобряют подобных увлечений и конфискуют мои покупки. А я такие истории просто обожал. Равно как и мой непутевый дружок Берт.

Конечно, долго так продолжаться не могло. Сначала появилась передовица в «Спутнике юношества» — «Вырвать с корнем отравляющий души яд!». Потом наш пастор — брат Дрейпер — прочел проповедь, направленную против разлагающего разум «хлама», сравнивая его со зловердным влия-

нием сигарет и спиртного. Затем уж и наш штат объявил такие публикации вне закона, воспользовавшись доктриной «Поддержания высоких стандартов общественной морали» и даже не дожидаясь принятия национального закона и соответствующих административных распоряжений.

А ящик с журналами, который я, казалось, так надежно упрятал на чердаке, куда-то исчез. Хуже того, труды мистера Г. Дж. Уэллса и мсье Жюля Верна, равно как и некоторых других, были изъяты из нашей публичной библиотеки.

Следует восхищаться мотивами, подвигшими наших духовных лидеров и народных избранников на поиск путей, способных защитить умы молодежи. Как указывал доктор Дрейпер, в Писании вполне хватает увлекательнейших и захватывающих дух историй, чтобы удовлетворить интересы всех мальчишек и девчонок в мире. А потому во всей этой глупейшей макулатуре просто нет нужды. Он вовсе не призывал установить цензуру на книги для взрослых — он имел в виду лишь впечатлительную молодежь. Если человек зрелых лет желает читать какую-то фантастическую дребедень, то пусть себе читает, хотя лично он, Дрейпер, не может поверить, что кого-нибудь из взрослых подобное чтение сможет чем-то привлечь.

Думаю, я был одним из этих несчастных впечатлительных юношей, ибо мне и по сей день очень недостает таких историй.

Особенно хорошо мне запомнилось произведение мистера Уэллса под названием «Люди как боги». Там какие-то люди едут на автомобиле в тот самый момент, когда происходит взрыв, и вдруг обнаруживают, что попали в другой мир, довольно схожий с их собственным, но лучше. Они встречаются с местными жителями, которые разъясняют им что-то насчет параллельных вселенных, четвертого измерения и прочего в том же роде.

Все это содержалось в первой части романа. Сразу же после того, как она вышла из печати, в штате приняли закон о защите нашего юношества, так что продолжения я не видел.

Один из моих преподавателей английской литературы, не делавший тайны из своего неприятия цензуры, как-то сказал, что мистер Уэллс был родоначальником всех главных направлений научной фантастики. И назвал это произведение источником концепции множественных вселенных. Я хотел спросить профессора, не знает ли он, где можно найти экземпляр этого романа, но отложил разговор до конца семестра, когда я уже официально буду считаться «зрелым человеком»... Ну и опоздал: академический сенатский комитет по вопросам веры и морали провалил продление контракта с этим профессором, и он покинул нас, даже не дождавшись конца семестра.

Не случилось ли со мной чего-то похожего на то, что описано мистером Уэллсом в книге «Люди как боги»? Может быть, мистер Уэллс обладал даром святого предвидения? И может быть, люди и в самом деле когда-нибудь доберутся до Луны? Умопомрачительно!

Но разве это умопомрачительнее того, что произошло со мной?

Как там ни верти, а я находился на борту «Конунга Кнута» (хотя это и был *не мой* «Конунг Кнут»), и объявление возле сходней гласило, что корабль отплывает в шесть часов вечера. А время шло, и мне надлежало как можно скорее решить, что делать дальше.

Что же делать? Итак, мой корабль — теплоход «Конунг Кнут» — куда-то исчез. Но команда (во всяком случае, часть ее) парохода «Конунг Кнут», видимо, готова признать во мне мистера Грэхема — своего пассажира.

Остаться на борту как ни в чем не бывало? А если Грэхем появится на пароходе? (Ведь это может произойти в любую минуту.) И потребует отчета, что я делаю в его каюте?

Или же сойти на берег (это очень легко) и отправиться к местным властям со своей проблемой?

Алекс, французская колониальная администрация будет от тебя в восторге! Ни багажа, кроме той одежды, что на тебе, ни денег (ни единого су!), даже паспорта и того нет. О! Они придут в такой восторг, что обеспечат тебе и поме-

щение, и содержание до конца твоей жизни... в подземной темнице с решеткой вместо крыши!

Но в бумажнике же есть деньги!

Вот как? А не приходилось ли тебе слышать о восьмой заповеди? Это же *его* деньги!

Но ведь вполне можно предположить, что он прошел сквозь огонь в то же мгновение, что и ты — с этой стороны, из этого мира, или как там его назвать, иначе его бумажник вряд ли дождался бы тебя тут. Значит, он теперь завладел *твоим* бумажником. Кажется, логично?

Послушай, мой туповатый друг, ты думаешь, логика приложима к тому дурацкому положению, в которое мы вляпались?

Ну-у-у...

Отвечай же!

Нет, пожалуй, нет. Ну а если так... затаись в этой каюте. Если Грэхем появится до отплытия, тебя наверняка выкинут с корабля, это уж точно. Но ведь и тогда тебе будет не сколько не хуже, чем если бы ты сошел с него сам, сейчас. А если он *не появится*, ты займешь его место и доберешься, по крайней мере, до Папезте. Город большой. Твои шансы овладеть ситуацией там будут куда лучше, чем здесь. Там и консул есть, и все такое прочее.

Ладно. Уговорил.

На пассажирских судах обычно издаются для пассажиров ежедневные газеты — просто одна-две странички, заполненные такой интригующей информацией, как «Сегодня в десять утра состоится учебная шлюпочная тревога. Всех пассажиров просим...» или «Вчерашний выигрыш в соревнованиях по отгадыванию пройденного за день расстояния достался миссис Эфраим Глютц из Бетани, Айова»; иногда печатаются и кое-какие новости, почерпнутые из сообщений, перехваченных операторами беспроводной связи. Я стал искать судовую газету и буклет «Приветствуем вас на борту». Последний (возможно, здесь он называется иначе) должен дать пассажиру, только что оказавшему-

ся на корабле, представление об этом сложном маленьком мире: фамилии офицеров, расписание трапез, местонахождение парикмахерской, прачечной, столовой, сувенирной лавки (сюрпризы для розыгрышей, журналы, зубная паста), как вызывать горничную, планы корабельных палуб, место, где находится предназначенная для вас спасательная лодка, как узнать свое место в столовой...

Место в столовой! Ох! Пассажиру, пробывшему на борту хоть один день, ни к чему расспрашивать, за каким столом он сидит. Именно на таких вот мелочах и можно погореть. Ничего. Придется идти напролом.

Буклет для прибывающих оказался в ящике письменного стола Грэхема. Я перелистал его, намереваясь запомнить все основные данные, прежде чем покинуть каюту, — если, конечно, останусь на борту, когда корабль отойдет от причала, — а затем отложил его в сторону, ибо нашлась и судовая газета.

Именовалась она «Королевский скальд», и Грэхем, благослови его Бог, сберег все номера, начиная с того дня, когда он поднялся по сходням корабля в Портленде, штат Орегон. Это я вычислил, исходя из данных о месте и времени выпуска самого раннего номера. Следовательно, Грэхем взял билет на весь круиз — обстоятельство, которое могло сыграть весьма важную роль для меня. Я-то намеревался вернуться домой тем же путем, каким и прибыл, то есть на воздушном корабле. Но если дирижабль-лайнер «Адмирал Моффет» и существовал в этом мире, или измерении, или как его там, то у меня все равно не было на него билета, равно как и денег, чтобы купить таковой. Что могут сделать французские колониальные власти с пассажиром, у которого в кармане ни гроша? Поджарить на костре? Или вздернуть, а потом четвертовать? Выяснить это я отнюдь не стремился. А грэхемовский билет на весь круиз (если допустить, что он существует) мог оградить меня от необходимости заняться подобным выяснением.

(Если, конечно, Грэхем не появится в ближайшие минуты и пинком не вышвырнет меня с корабля.)

Я не стал рассматривать возможность остаться в Полинезии. Лет сто тому назад бичкомберам на Бора-Бора или Муреа жилось неплохо, но сегодня единственная бесплатная вещь на этих островах — заразные болезни.

Конечно, в Америке я бы тоже мог попасть в положение, в котором чувствовал бы себя таким же нищим и чужим, как здесь, но мне все же казалось, что на родине было бы лучше. Точнее, на родине мистера Грэхема.

Я перечитал сводки новостей, полученные по беспроводной связи, но ничего не понял, а потому отложил их для дальнейшего изучения. То немногое, что из них все же удалось извлечь, как-то не утешало. Где-то глубоко во мне, видимо, таилась совершенно лишняя логики надежда, что все случившееся со мной — просто чудовищная путаница и постепенно все как-нибудь наладится (только не спрашивайте меня — как). Однако прочитанное свело мою надежду к нулю.

Ну скажите на милость, что это за мир, где президент Германии наносит визит в Лондон? В моем мире Германской империей правит кайзер Вильгельм IV. А президент для Германии звучит так же нелепо, как король для Америки.

Может, это и неплохой мир... но это не тот мир, в котором я родился. Во всяком случае, если судить по этим загадочным сообщениям.

Отложив в сторону пачку «Королевского скальда», я заметил на листке с меню сегодняшнего ужина пометку: «Вечерний туалет».

Я не удивился: «Конунг Кнут» в своем предыдущем воплощении был в высшей степени чопорным. Если корабль находился в море, от вас ожидали появления во фраке. С черным галстуком. Без него вам ясно давали понять, что таким людям лучше обедать в своей каюте.

Ни фрака, ни смокинга у меня не было — наша церковь не поощряет суетности, — поэтому я пошел на компромисс, надевая в рейсе к ужину синий саржевый костюм с белой сорочкой и черной бабочкой на резинке. Никто не

возражал. На меня просто не обращали внимания, ибо я и без того сидел «ниже солонки», поскольку прибыл на судно только в Папееде.

Мне захотелось посмотреть, нет ли у мистера Грэхема темного костюма.

И черного галстука.

У мистера Грэхема оказалась уйма одежды, куда больше, чем у меня когда-либо. Я примерил спортивный пиджак, он пришелся мне почти впору. Брюки? Длина вроде о'кей, а вот насчет пояса я не был уверен. Примерять же пару и рисковать быть пойманным Грэхемом с ногой, сунутой в его же собственные брюки, мне не хотелось. Да и что полагается говорить в подобных случаях? «Привет! Я тут вас дождался и решил скоротать время, примеряя ваши штаны»? Не слишком-то убедительно.

У него был не один вечерний костюм, а целых два — обычная черная фрачная пара и темно-красный смокинг. Я никогда и не слыхивал об этакой экстравагантности.

А вот бабочки на резинке я так и не нашел. Черных галстуков насчитывалось несколько штук. Да только я не имел ни малейшего представления, как завязывают бабочку.

Я глубоко вздохнул и горестно задумался над этой сложной проблемой.

Раздался стук в дверь. Если я не выскочил из собственной шкуры, то только лишь по чистой случайности.

— Кто там? — (Честное слово, мистер Грэхем; я тут вашего прихода дождался!)

— Горничная, сэр.

— О, входите, входите!

Я услышал, как она звенит ключом, и тут же вскочил, чтобы отодвинуть задвижку.

— Извините, совсем забыл, что закрыл и на задвижку. Пожалуйста, заходите.

Маргрета оказалась примерно того же возраста, что и Астрид, но выглядела моложе и привлекательнее, со светлыми, как лен, волосами и веснушками на носу. Она гово-

Хайнлайн Р.

X 15 Иов, или Комедия справедливости : роман / Роберт Хайнлайн ; пер. с англ. В. Ковалевского, Н. Штуцер ; под ред. А. Питчер. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. — 448 с. — (Звезды мировой фантастики).

ISBN 978-5-389-14555-9

Классический роман зрелого Хайнлайна, задуманный им еще на заре писательской карьеры; идею подарил такой же молодой Айзек Азимов, а реализовал ее Хайнлайн спустя почти полвека, вдохновляясь религиозно-философскими сатирами Вольтера и Марка Твена. Итак, познакомьтесь с Алексом Хергеншаймером. В Полинезию он прилетел на дирижабле «Граф фон Цеппелин» и путешествует по островам на круизном судне «Конунг Кнут». Согласившись участвовать в ритуале хождения по огню, Алекс не сгорел и не обжегся, лишь ненадолго потерял сознание. Но почему, когда он очнулся, все называют его «мистер Грэхем»? Почему «Конунг Кнут» выглядит совершенно иначе и почему в этом мире нет ни одного дирижабля?..

Перевод публикуется в новой редакции.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445

Литературно-художественное издание

РОБЕРТ ХАЙНЛАЙН
ИОВ, ИЛИ КОМЕДИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Ответственный редактор Александр Гузман
Редактор Александра Питчер
Художественный редактор Владимир Гусаков
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Светланы Шведовой
Корректоры Анна Быстрова, Анастасия Келле-Пелле
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 20.04.2018. Формат издания 84 × 108 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 23,52. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3 «А».
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-AFA-22815-01-R